

<https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

<https://elibrary.ru/vdluuu>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-ND)

СУДЬБА МУЗЕЙ-УСАДЬБЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

© 2023. Д. М. Борисова

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: Данная статья посвящена отражению судеб музеев-усадоб в период Великой Отечественной войны в прозе К.Г. Паустовского. Исследование выполнено на материале очерков «Хранительница» (1946), «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955) и романа «Дым отечества» (1944; публикация – 1964). Данные произведения рассматриваются в контексте усадебного топоса, одну из модификаций которого представляет музей-усадьба. Описывая драматичные страницы истории музеев-усадоб, Паустовский часто опирался на реальные факты; так, в «Дыме отечества» и «Ветре скорости» нашел отражение период оккупации Пушкинского заповедника (1941–1944). В «Хранительнице» дано описание «типичной» усадьбы. Музей-усадьба в прозе Паустовского одновременно противостоит разрушительному хаосу войны и является символом русской культуры, ради которой готовы пожертвовать собой герои.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, советская литература, усадебная культура, усадебный топос, музей-усадьба, война, Пушкинский заповедник.

Информация об авторе: Борисова Дарья Максимовна – младший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Для цитирования: Борисова Д.М. Судьба музея-усадьбы военного времени в прозе К.Г. Паустовского // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 211–222. <https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

THE FATE OF THE ESTATE-MUSEUM IN WARTIME IN THE PROSE OF K.G. PAUSTOVSKY

© 2023. Daria M. Borisova

Acknowledgements: This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

Abstract: This article is devoted to the reflection of the fate of museum-estates during the Great Patriotic War in the prose of K.G. Paustovsky. The study is made on the material of the essays “The Guardian” (1946), “The Wind of Speed” (1954; published in 1955) and the novel «Smoke of the Fatherland» (1944, published in 1964). These works are considered in the context of the “manor topos”, one of the modifications of which is represented by the manor museum. Describing the dramatic pages of the history of museum-estates, Paustovsky often relied on real facts, for example, “Smoke of the Fatherland” and “The Wind of Speed” reflect the period of occupation of the Pushkin Reserve (1941–1944). The museum-estate in Paustovsky’s prose simultaneously opposes the destructive chaos of war and is a symbol of Russian culture, for the sake of which the heroes are ready to sacrifice themselves.

Keywords: K.G. Paustovsky, Soviet literature, manor culture, manor topos, manor museum, World War II, Mikhaylovskoye Museum Reserve.

Author Information: Daria M. Borisova – Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

For citation: Borisova, Daria M. The Fate of the Estate-Museum in Wartime in the Prose of K.G. Paustovsky. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 211–222. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

Русская усадьба за XX столетие неоднократно переживала тяжелейшие разрушения. Только за 1905–1907 гг. «в Европейской России было уничтожено от 3 до 4 тыс. <...> усадеб – от 7 до 10% их общего количества» [Данилов, с. 11]. В 1917–1919 гг. разграбление и разрушение дворянских имений приобрело еще более широкий размах. Историки спорят о том, кто принимал большее участие в разгроме усадеб – сами крестьяне или местные представители новой власти. Однако факт остается фактом: произошла «культурная трагедия... в чрезвычайно широких масштабах» [Рузвельт, с. 7]. Стихийные погромы и ликвидация помещичьего землевладения «сверху» довершили кризис рубежа XIX–XX вв.: русская усадьба в привычном ее виде перестала существовать. Часть бывших имений была превращена в больницы, санатории, детские дома, школы, наконец, в литературные музеи и музеи дворянского быта. Во время Великой Отечественной войны бывшие имения, более-менее благополучно пережившие революционные и послереволюционные годы, снова оказались под угрозой исчезновения. Во время оккупации и боевых действий серьезно пострадали многие знаменитые усадьбы, в том числе Михайловское, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна. В списке безвозвратных потерь до сих пор значатся державинская Званка, имение Шереметевых Ульянка, усадьба Хотылёво, в которой гостили И. Е. Репин и М. А. Врубель, имение Онег, где провел детство С. В. Рахманинов, и др.

Драматичная судьба бывших усадеб в военное время отразилась в творчестве К.Г. Паустовского – одного из ключевых «усадебных» авторов советской эпохи.

Детство и молодость писателя пришлись на рубеж XIX–XX вв., когда дворянские имения доживали последние дни. Брянская усадьба Рёвны, где Паустовский проводил лето в 1902–1912 гг.¹, сохраняла лишь следы былого величия. Господский дом большую часть времени пустовал, великолепный парк приходил в упадок. В парке и его окрестностях были построены дачи; один из домиков снимал дядя писателя, военный инженер Николай Григорьевич Высочанский [Кузнецов, 291–293].

¹ Рёвны – не единственная усадьба, где жил писатель. У Паустовских была своя усадьба под Белой Церковью, в селе Городище, она представляла собой типичную усадьбу мелкопоместного хозяина и значительно отличалась от помещичьих имений, знакомых читателям по русской классике и «усадебной» литературе рубежа веков.

Личный опыт «полуусадебной-полудачной» жизни, несомненно, дополнялся впечатлениями от прочитанных книг. Именно в это время в русской культуре сложился «усадебный миф», в основе которого лежали поэтизация и идеализация помещичьего имения «золотого века», осознание постепенного угасания русской усадьбы как трагедии. «Усадебный миф» повлиял на раннюю прозу и поэзию Паустовского (рассказ «Четверо», 1913; неопубликованное стихотворение «Я бросил повод. Сумрачно и скучно», 1913–1915).

Паустовский не воспринял резко критический взгляд на усадьбу как на «часть преодоленного эксплуататорского <...> прошлого» [Богданова, с. 201], хотя, вероятно, и не видел в ней символ утраченного дома и навсегда потерянной Родины (в отличие от эмигрантов И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и др.). Усадьба была для зрелого Паустовского местом, связанным со светлыми воспоминаниями детства, местом отдыха на лоне природы, пространством исторической памяти и непреходящей культурной ценностью.

Детские впечатления от пребывания в Рёвках воплотились в автобиографической эпопее «Повесть о жизни» (1946–1963) и очерке «Зеленая стража» (1948); в произведениях о советской эпохе автор рассматривает варианты трансформации усадебного топоса. Как правило, Паустовский изображает усадьбу-музей («Михайловские рощи», 1938; «Ветер скорости», 1954 и др.), хотя есть и исключения (усадьба – дом отдыха в «Повести о лесах» (1948)). Музеефикация дворянских имений, с точки зрения автора, помогает если не сохранить их в подлинном виде, то сберечь лучшее, что дала русской культуре усадьба: образец высокой культуры и гармоничного сосуществования человека и природы. Переживания о судьбе «дворянских гнезд», в военные годы вновь оказавшихся под угрозой уничтожения, отразились в романе «Дым отечества» (1944, публикация – 1964)¹, очерках «Хранительница» (1946)² и «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955).

В очерке «Хранительница» рассказчик беседует с Клавдией Сергеевной, пожилой женщиной, бывшей во время войны «хранительницей дворца в Маврине» [Паустовский 1957–1958, т. 6, с. 329]. Заглавие

¹ По другим сведениям, время написания – 1951 г. [Паустовский 1981–1986, т. 3, с. 608].

² Впервые: журнал «Молодой колхозник». 1946. № 2–3.

произведения несет в себе двойной смысл: «хранительница» – это и профессия, и тип личности, склад характера. Всю жизнь героиня Паустовского служит сбережению и приумножению сначала духовной культуры (до музея женщина работала учительницей), потом – природных богатств (героиня следит за чистотой водохранилища). Клавдия Сергеевна воспринимает каждое свое дело как служение: не случайно, рассказывая о работе в музее, героиня говорит не «работала», а «служила» [Там же, с. 329].

Место «служения» героини на первый взгляд определено автором предельно ясно – дворец в подмосковном Маврино с «парком» и «прудом» [Там же, с. 329]. Однако при поиске прообраза дворцово-паркового ансамбля из очерка возникают определенные вопросы. Населенных пунктов с названием Маврино в Московской области несколько, и наиболее вероятным «кандидатом» представляется деревня Маврино Щелковского района Московской области, где действительно была усадьба. В господском доме, согласно воспоминаниям старожилов, «и в 1930-х гг. проживали две женщины – представительницы купеческого рода Бруновых. В настоящее время усадьба, находившаяся на правом берегу реки недалеко от каменного храма, утрачена» [Послыхалин]. До наших дней дошла только церковь Владимирской Божией матери (XVIII в.). Однако господский дом в усадьбе Маврино вряд ли мог претендовать на звание дворца; сведений о том, что в советское время в этих местах был музей, найти не удалось. Приходится сделать вывод, что Паустовский создал скорее обобщенный образ великолепного поместья с дворцом и парком.

Во время немецкого наступления на Москву враги «подошли вплотную к <...> Маврину», «обстреливали». «Связи с Москвой нет, хоть до Москвы и недалеко. <...> Я одна во дворце и в парке. Хожу, как одурелая. <...> Не знаю, что делать. И посоветоваться не с кем» [Паустовский 1957–1958, т. 6, с. 329], – рассказывает героиня. В эти страшные дни хранительница дворца думает не о себе, а о том, что скоро придут фашисты и «раскрадут, загадят, увезут к себе в Германию» «нашу красоту – вековую, русскую, подмосковную» [Там же, с. 330]. Опасения Клавдии Сергеевны не были напрасными. В нацистской Германии с началом Второй мировой войны был создан ряд организаций, занятых выявлением и изъятием ценностей культуры на захваченных территориях; помимо разграбления фашистские

войска занимались планомерным уничтожением памятников истории и культуры. Гибель дворца представляется Клавдии Сергеевне меньшей потерей, чем «поругание» культурного достояния торжествующими захватчиками. Понимая, что защитить дворец она не сумеет, героиня решает поджечь усадьбу: «Сама все уничтожу, а им не оставлю» [Там же]. Глубоко преданная своему делу хранительница не сразу понимает, что такое решение продиктовано охватившими ее смятением и отчаянием. В последний момент прибегает местный мальчик, подружившийся с музейной работницей, и едва ли не силой останавливает героиню: «Бросился к соломе, растаскивает ее, топчет. Я схватила его: “Не смей тушить! Пусть все горит! Убирайся отсюда!” А он посмотрел на меня так это злобно и отвечает: “Эх, вы! Струсили! В немцев поверили! Наши их отобьют, нипочем сюда не пустят, а вы дворец спалите. Вам народ спасибо не скажет”. <...> Затоптали мы огонь» [Там же]. Немцы не успели дойти до Маврино и вскоре были отброшены контрнаступлением советских войск.

Музей в очерке Паустовского предстает отнюдь не «мертвым» хранилищем предметов старины; напротив, Клавдия Сергеевна говорит об усадьбе как о живом существе. Во время немецкого наступления дворец и парк вместе со своей хранительницей переживают тревожное ожидание надвигающейся беды: «Парк облетел. Стоит голый, пустой, а во дворце – холод, пустота, и он, как приговоренный, ждет своего часа» [Там же, с. 329]. Когда героиня решает поджечь музей, дворцовый парк словно заступает за усадьбу, отговаривает хранительницу от трагической ошибки: «Села на диван в одной из гостиных, как садятся перед прощанием, перед дальней дорогой. <...> Только слушаю, как ветки бьют по стеклам, стучат, будто хотят мне сказать: “Что же это ты задумала, Клавдия Сергеевна? На что это ты руку хочешь поднять?”» [Там же, с. 330]. Когда начинается советское контрнаступление, хранительница слышит, что «весь парк гремит, будто деревья стали железными, сталкиваются друг с другом, лязгают, грохочут». Грозная картина преобразившегося парка, представившаяся хранительнице, сменяется реальной, но не менее чудесной: «Наши танки идут потоком, крушат, давят, сшибают немцев» [Там же, с. 331].

Частный случай спасения подмосковной усадьбы писатель наполняет символическим смыслом. Противостояние советских и вра-

жеских войск предстает как битва света и тьмы: перед приближением врага наступает темная, ветреная ночь, которой «с сотворения мира не было», а подоспевшие советские войска «гонят <...> в кромешную ночь» [Там же] бегущих немцев. Сохранение музея-усадьбы знаменует собой сбережение и отечественной культуры, и всей «вековой, русской» красоты [Там же, с. 330], и самой России.

Роман «Дым отечества» был задуман Паустовским как произведение «о нашей интеллигенции в канун и во время минувшей войны, о ее преданности Родине, ее мужестве, ее испытаниях и размышлениях» [Там же, т. 2, с. 272]. Часть действия как «мирных», так и «военных» глав разворачивается в Пушкинском заповеднике, где писатель побывал в июле 1937 г. В письмах друзьям и родным Паустовский с восхищением отзывался о природе «чудесных» [Там же, т. 9, с. 140] заповедных мест, где «все полно громадного “неизъяснимого” очарования» [Там же, с. 139], «все полно Пушкиным» [Там же, с. 140]. Впоследствии Паустовский признается другу и переводчику Лидии Делекторской, что «лучшим местом на земле» считает «холм под стеной Святогорского монастыря в Псковской области, где похоронен Пушкин» (11 февраля 1961 г., Ялта) [Там же, с. 392]. Любовь и благоговейное отношение к местам, связанным с жизнью и творчеством Пушкина, писатель передал и своим персонажам.

Одного из главных героев, литературоведа-пушкиниста Семена Львовича Швейцера, война застает в Пушкинском заповеднике во время работы над очередной книгой о поэте. В тревожное время ученый остается в заповедных местах – сначала потому, что все поезда отменили, потом – из чувства долга. Понимая, что годы и слабое здоровье не позволят ему служить в армии, ученый «решил, что <...> уйдет отсюда последним <...>: он должен спасти от разрушения эти милые каждому русскому сердцу места, охранять могилу Пушкина» [Там же, т. 2, с. 414]. Несомненно, героем двигателя и личная привязанность к заповеднику. До приезда в Михайловское все литературоведческие штудии ученого представляли собой «бесконечное повторением своими словами пушкинских мыслей» [Там же, с. 296]. В заповеднике Швейцер ощущает творческий подъем и начинает новую книгу о Пушкине – не сухой академический труд, а «книгу о живом, обаятельном человеке» [Там же, с. 296]. Из «кабинетного ученого» герой превратился в настоящего исследователя, готового

отправиться в далекое путешествие в поисках портрета классика. В Михайловском Швейцер обрел и вдохновение, и силы для духовного преображения, и новых друзей (в числе которых актриса одесского оперного театра с «пушкинским» именем Татьяна).

Паустовский не был свидетелем оккупации Пушкинского заповедника (1941–1944), но знал о них из газет, радиосводок и т. д. Некоторые подробности (например, попытку фашистов использовать дом-музей в целях пропаганды) в советское время предпочитали не афишировать. «Дым отечества», завершающийся до освобождения заповедника, не передает всего масштаба трагедии, постигшей пушкинские места. Практически все здания, в том числе дом-музей в Михайловском и «Домик няни», оказались разрушены в ходе боев или уничтожены немцами при отступлении; пострадали от порубок парк; заминированную фашистами могилу поэта удалось спасти ценой жизни нескольких советских саперов.

При этом роман убедительно передает переживания героя, видящего торжество захватчиков. Швейцеру вместе с местными жителями удастся спрятать музейные ценности до прихода врага. Но как защитить сам заповедник – природу, здания, наконец, могилу Пушкина – одинокому и безоружному человеку? Герой вскоре понимает, что «спасти от разрушения <...> милые каждому русскому сердцу места» ему не удастся. Решив «охранять могилу Пушкина» [Там же, с. 414], самоотверженный ученый взял на себя тяжелую ношу. Непривычному к походным условиям, сугубо мирному человеку приходится вести полуголодную жизнь в землянке, прятаться от оккупантов, по ночам, опасаясь каждого шороха, тайно обходить заповедник. От пережитых лишений, постоянного страха, непосильного груза ответственности герой наконец оказывается на грани отчаяния, даже помешательства. Не имея ни оружия, ни опыта военного дела, Швейцер решает в одиночку начать партизанскую войну; герой наконец готов пожертвовать могилой Пушкина, лишь бы не допустить ее «поругания» фашистами. Услышав откуда-то о возможном прибытии Гитлера в Пушкинские Горы¹, Швейцер хочет добыть мину и установить ее под могильной плитой. Как и в очерке «Хранительница», Паустовский показывает, что замысел героя продиктован одиноче-

¹ Подобные пропагандистские путешествия фюрер действительно совершал, посетив крепость Брест и ряд временно оккупированных городов СССР.

ством и отчаянием, стремлением не допустить поругания святыни. К счастью, больного, измученного лишениями ученого находят партизаны; впоследствии Швейцеру удается воссоединиться с новыми друзьями. Спасение приходит к герою как награда за жертвенную любовь к пушкинским местам; сама Великая Отечественная предстает войной за культуру. Такое осмысление автором войны ранее отразилось в статье «Мы победим» (1941):

Десяток лет фашизм измывался над всем, что делало человека человеком <...>. В кровь и грязь были втоптаны века культуры <...>. Мы любим свободную человеческую мысль во всех ее воплощениях – будь то камень великолепного здания, слово, краска или печатная буква. Все это было сброшено в грязь пинком фашистского сапога <...>. Во имя родной земли, которую мы любим до боли в сердце, во имя великолепного нашего будущего, во имя труда и справедливости, во имя культуры, наконец, во имя самой жизни – мы победим! [Паустовский, 1941, с. 18].

Паустовский выстраивает «военный» сюжет вокруг человека, ощущающего личную ответственность за судьбу культурных ценностей. К этому приему автор прибегает и в произведениях, где фигурирует иной вариант трансформации «усадебного топоса» или действие происходит вне самой усадьбы. В «Повести о лесах» (1948) деревянный дом в усадьбе, где жил и творил Чайковский¹, становится домом отдыха для престарелых музыкантов. С началом войны отдыхающих эвакуируют, ключи передают на сохранение Аграфене – пожилой женщине, помнящей Чайковского. Во время оккупации в здании разместился немецкий штаб; увидев беспорядок в доме и разгульную офицерскую пирушку, Аграфена попыталась остановить бесчинство и была убита одним из немцев. Вместе с хранительницей погиб и дом, загоревшийся от упавшей лампы; вскоре после этой трагедии фашисты были выбиты советскими войсками из любимых композитором лесов [Паустовский 1981–1986, т. 3, с. 109–122]. В рассказе «По ту сторону радуги» (1954) [Там же, т. 5, с. 435–442] простые женщины из колхоза во время фашистской оккупации тайно от врага ухаживали за могилой Пушкина в Святогорском монастыре. Во всех перечисленных нами примерах героини – являются ли они работницами

¹ Прообраз этой и соседней усадеб – помещичье имение Фроловское под Клином, где композитор жил с апреля 1888 г. по май 1891 г. (сгорело в 1941 г.) [Юдин, с. 87].

музея, учеными или просто преданными почитателями – действуют по велению сердца, что немаловажно для писателя.

Очерк «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955) был написан Паустовским вскоре после автомобильной поездки по северо-западу страны (октябрь 1954 г.). Во время этого путешествия Паустовский снова посетил Пушкинский музей-заповедник, возрожденный после войны. В 1947–1949 гг. было реконструировано Михайловское, восстановлен Свято-Успенский Святогорский монастырь; заново отстроен «Домик няни»; приведены в порядок парки.

Поездка по нескольким республикам СССР не только «наполнила» путешественника «ощущением разнообразия жизни, новыми знаниями и чувством неиссякаемой красоты земли» [Там же, т. 6, с. 570], но и дала богатую пищу для размышлений о пережитом странной трудном времени. Любующийся красотой родной земли и налаживающейся мирной жизнью рассказчик постоянно обращается памятью к военным дням, повсюду слышит эхо трагических и славных событий. Посещая Пушкинский заповедник, рассказчик отмечает урон, нанесенный войной: почти все старые ели у главного въезда «срубили немцы», «Домик няни» был разрушен и затем восстановлен «нашими войсками после изгнания из Михайловского фашистов». Однако путешественник рад всему, что удалось сохранить или возродить из руин в послевоенные годы. Не случайно, смотря на «Домик няни», рассказчик убеждается, что «его низенькие потолки и деревянные колонки на крыльце» [Там же, с. 547] так же трогают сердце, как и при первом посещении музея-заповедника. Восстановленный Пушкинский заповедник – символ русской культуры, пережившей тяжелейшие испытания, но выстоявшей¹.

Проанализировав произведения Паустовского, посвященные судьбе музея-усадьбы во время Великой Отечественной войны, мы пришли к следующим выводам:

¹ В конце 1970-х – в 1980-е гг. в литературе появятся и другие оценки послевоенного заповедника, возрожденного из руин и получившего привычный нам вид при С.С. Гейченко. Юрий Нагибин в дневниках резко отзывался о воссоздании обстановки с помощью «неподлинных» вещей, элементов театрализации, привнесенных директором, и т. д. [Нагибин, с. 372–373]. Музеефикация усадебного пространства и формирование новых, музейных, мифов подвергается сатирическому восприятию у С.Д. Довлатова. См. [Акимова].

1) В произведениях, описывающих жизнь музея-усадьбы в военное время, Паустовский опирается на реальные факты, однако не стремится к документальной точности. Цель автора – создать выразительный художественный образ русской усадьбы, переживающей очередной исторический катаклизм.

2) В центре «военного» сюжета оказывается человек, чувствующий личную ответственность за судьбу усадьбы, – ученый-литературовед («Дым отечества»), музейный работник («Хранительница»), наконец, местный житель, особенно привязанный к памятным местам («Повесть о лесах», «По ту сторону радуги»). Важно отметить, что писатель выступает за сохранение культурного достояния в самых тяжелых ситуациях, отрицая такие «жесты отчаяния», как уничтожение памятников культуры, попавших или могущих попасть в руки врага.

3) Усадьба как пространство красоты и гармонии противопоставляется разрушительному хаосу войны; в этом Паустовский, несомненно, продолжает традиции Л.Н. Толстого («Война и мир»). При этом усадьба становится символом русской культуры, во имя которой герои готовы пожертвовать собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Акимова М.С.* Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 22–29.
2. *Богданова О.А.* Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 190–205.
3. *Будылин И.Т.* Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М.: Профиздат, 2006. 464 с.
4. *Будылин И.Т.* Особо ценный объект // Литературная газета. 2012. № 9 (6361).
5. *Будылин И.Т.* Писатели России в пушкинском заповеднике (музей у старой дороги) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 184–190.
6. *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989. 445 с.
7. *Греч А.Н.* Венок усадьбам. М.: АСТ-Пресс, 2010. 334 с.

8. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции / Тамбовский государственный технический университет; Московская высшая школа социально-экономических наук. М.-Тамбов, 1996. С. 4–23.

9. Кузнецов Д.В. Рёвны // Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины: в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. А. В. Городков. Брянск: Буквица, 2018. С. 290–299.

10. Послыхалин А.Ю. Подмосковное село Маврино в преданиях глубокой старины // Деревни и сёла городского поселения Фряново в былые времена [Интернет-источник] Режим доступа: https://trojza.blogspot.com/2012/09/blog-post_6.html (дата обращения 10.08.2023).

11. Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 44–49.

12. Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). М.: Улей, 2009. С. 7–24.

13. Юдин В.С. Край наш Клинский. Клин: Ред. газ. «Серп и молот», 1999. 216 с.

Источники

14. Нагибин Ю. М. М.: Книжный сад, 1996. 704 с.

15. Паустовский К. Г. Мы победим // Новый мир, 1941. № 7–8. С. 17–18.

16. Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1957–1958.

17. Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.